
М.А. Нянковский

Евгений Замятин

(1884–1937)

Биография писателя

«...Настоящая литература может быть только там, где ее делают не исполнительные и благонадежные чиновники, а безумцы, еретики, отшельники, мечтатели, бунтари, скептики» — так писал в 1921 русский писатель Е.И. Замятин. Дух еретичества, бунтарства определил позицию Замятина как в жизни, так и в литературе. «Неудобный писатель», он не раз попадал в опалу у властей Российской империи, но и после октября 1917 он тоже оказался неудобным — настолько, что начиная с 1930-х его имя на полвека было практически вычеркнуто из русской литературы.

Евгений Иванович Замятин родился 20 января (1 февраля) 1884 в г. Лебедянь Тамбовской губернии (ныне Липецкая область). Отец писателя служил священником в церкви Покрова Богородицы, а мать, тоже происходившая из духовного сословия, была талантливой пианисткой. «Рос под роялем, — напишет Замятин в автобиографии, — года в четыре — уже читал. Детство — почти без товарищей; товарищи — книги. До сих пор помню дрожь от “Неточки Незвановой” Достоевского, от тургеневской “Первой любви”. Это были старшие и, пожалуй, страшные; Гоголь был другом». (Через много лет под впечатлением от одной из замятинских повестей, прозвучавшей в авторском исполнении, К. Чуковский воскликнет: «Что? Каково? Новый Гоголь. Не правда ли?»)

В 1902 Замятин окончил с золотой медалью Воронежскую гимназию. «В гимназии я получал пятерки с плюсом за сочинения и не всегда легко ладил с математикой. Должно быть, именно потому (из упрямства) я выбрал самое что ни на есть математическое: кораблестроительный факультет Петербургского Политехникума». Упрямство, дух противоречия привели в 1905 Замятина, выросшего в далекой от политики патриархальной семье, в партию большевиков. «В те годы быть большевиком — значило идти по линии наибольшего сопротивления; и я был тогда большевиком» — так объяснит он этот свой поступок в автобиографии. За революционную деятельность будущий писатель был арестован и провел «несколько месяцев в одиночке на Шпалерной», а затем был выслан из Петербурга в родной город под надзор полиции. С запрещением жить в столице он не смирился и в 1908 снова вернулся туда, чтобы завершить образование.

Вскоре состоялся литературный дебют Замятина, который, однако, не принес ему успеха. Широкая известность пришла к писателю лишь в 1913, когда в петербургском журнале «Заветы» появилась его повесть «Уездное», высоко оцененная литературной общественностью, в том числе Горьким. Правда, следующую повесть, «На куличках», ожидало не только одобрение, но и осуждение, — в прямом смысле этого слова: автор был привлечен к суду за оскорбление армии и офицерства и сослан в Кемь.

В 1916 Замятин впервые покидает Россию: он командирован в Англию для наблюдения за строительством ледоколов по русским заказам. Здесь он продолжил свое литературное творчество. «Из Англии Замятин привез ледоколы и повесть “Островитяне”. Эта повесть — одна из лучших в его творчестве», — напишет позднее В. Шкловский. Значение «английского опыта» для писателя трудно переоценить: его впечатления о «машинном рае» вскоре легли в основу его новых произведений. Отдавая должное достижениям западной индустрии, писатель замечал, что развитие науки, техники, крупного промышленного производства делает человека придатком машины; конвейер,

однообразии производственной деятельности приводят к утрате индивидуальности, к нивелированию личности и полной взаимозаменяемости людей.

Вернувшись в сентябре 1917 в революционную Россию, Замятин активно включился в культурно-просветительскую и редакторскую деятельность. Но революция, в которой в 1905–1906 он видел «юную, свободную огнеглазую любовницу», обернулась на этот раз нетерпимостью, жестокостью, насилием. Тревогой за судьбу человека, России, революции пронизаны рассказы «Дракон», «Пещера», «Мамай», публицистические статьи Замятина 1920-х. Тревогой за судьбы мира продиктован и роман «Мы», написанный в 1920 и увидевший свет на родине писателя только в 1988.

Замятин не встал в ряды политической оппозиции, но он спорил с большевизмом, как честный русский писатель, который не мог не замечать страшного «сегодня», даже искренне веря в прекрасное «завтра». В статье «О сегодняшнем и современном» он писал: «Правды — вот чего в первую голову не хватает сегодняшней литературе. Писатель — изолгался, слишком привык говорить с оглядкой и опаской. Оттого в большинстве литература не выполняет сейчас даже самой примитивной, заданной ей историей задачи: увидеть нашу удивительную, неповторимую эпоху — со всем, что в ней есть отвратительного и прекрасного, записать эту эпоху такой, какая она есть».

Принципиальная позиция и высокое писательское мастерство сделали Замятина чрезвычайно авторитетным среди творческой молодежи. В 1919 при «Доме искусств» в Петрограде была организована литературная студия, где Замятин читал курс лекций по технике художественной прозы (поэтическим семинаром в студии руководил Н. Гумилев). В 1920–1921 он преподавал новейшую русскую литературу в Педагогическом институте им. Герцена. Своим наставником его считали участники литературной группировки «Серапиевские братья» (Зоценко, Каверин, Лунц, Федин и др.). В эти годы Замятин обращается к драматургии. Особенным успехом пользовалась его пьеса «Блоха», созданная по повести Лескова «Левша». В театрах Москвы и Ленинграда она прошла более трех тысяч раз.

Но в целом судьба Замятина после революции складывалась драматично. В 1922, арестованный Петроградской ЧК, он во второй раз в жизни попал в одиночку на Шпалерной, а в 1929 подвергся травле как писатель (в связи с публикацией в Праге романа «Мы» без ведома автора). Правда, приговорен он был не к ссылке, как в 1914, а, по его собственному выражению, — к высшей мере: Замятину запретили печататься. В 1931 Замятин снова выехал за рубеж, но уже не на полтора года, как в 1916, а навсегда. «Я знаю, — писал он Сталину в 1931, — что у меня есть очень неудобная привычка говорить не то, что в данный момент выгодно, а то, что мне кажется правдой». Правда Евгения Замятина оказалась не востребованной на его родине вплоть до 1980-х.

Последние годы жизни Замятина связаны с Францией. Здесь написаны неоконченный роман «Бич божий» о вожде гуннов Аттиле, книга воспоминаний о деятелях русской культуры «Лица», киносценарий по пьесе Горького «На дне» и ряд других произведений. Но Евгений Замятин не считал себя эмигрантом: он жил в Париже с советским паспортом, высылал деньги на оплату своей квартиры в Ленинграде, в 1935 в составе советской делегации участвовал в конгрессе деятелей культуры, проходившем в Париже. Однако вернуться на родину ему было не суждено.

Замятин скончался 10 марта 1937 и был похоронен в предместье Парижа Тие.